

Хрупкое равновесие между тремя присутствующими, и без того висевшее на волоске, окончательно рухнуло, стоило Вермуту договорить. Акай Шуи с завидным спокойствием выдержал перекрестный огонь из двух пар смертоносных взглядов — в конце концов, у агента ФБР должен быть хоть какой-то запас прочности. В конце концов, по сравнению с пулей, которую Джин всадил в него после того памятного дня, эти испепеляющие взоры казались сущим пустяком. Хотя Акай вполне мог уклониться, наличие раны давало ему массу удобных оправданий для последующих действий — а поскольку стрелял Джин, большинство членов Организации даже не подумали бы сомневаться в случайности попадания. Разве что сам Джин... даже выпустив пулю собственноручно, он, пожалуй, мог заподозрить, что Акай подставился намеренно. Хотя так оно и было.

Акай, небрежно закинув руку на спинку дивана, ощутил, как в локте вновь отозвалась ноющая боль. Джин действовал жестоко: угол входа пули был выбран мастерски — не настолько, чтобы покалечить руку окончательно, но достаточно, чтобы причинить изрядные страдания.

Вермут приподняла бровь, глядя на него:

— Ты, кажется, не слишком удивлен.

— А чему я должен удивляться? — небрежно отозвался Акай. — Если речь о задании, то я не из тех, кто поднимает шум из-за каждого поручения.

Пусть Бурбон и Джин, казалось, воспринимали это как нечто само собой разумеющееся, Вермут с самого начала не произнесла имени Хошикавы Кири. Ему, человеку, который официально виделся с Хошикавой лишь однажды, не следовало проявлять излишней реакции. Однако в душе Акай все же был удивлен. Его слова, сказанные Хошикаве в тот день, о том, что он постарается заполучить это дело, не были шуткой. Его бывший наниматель, хоть и происходил из семьи потомственных дельцов, был напрочь лишен купеческой хватки, а порой и вовсе казался простофилей. От него исходило ощущение человека, которого проще простого обвести вокруг пальца. Собственно, именно поэтому Акай и смог так легко к нему подобраться.

Акай никогда не считал себя хорошим человеком — святоши в разведке не выживают. Он прекрасно понимал, что сейчас высовываться и становиться мишенью для всеобщего недовольства — затея сомнительная; вон, Бурбон и Джин уже смотрят на него с нескрываемой ненавистью. Но раз уж он узнал о происходящем, оставить Хошикаву в беде он не мог.

Однако Акай не ожидал, что, пока он сам ломал голову над планом действий, Вермут возьмет инициативу в свои руки. Вряд ли его раскрыли — иначе пуля Джина предназначалась бы не плечу, а голове. Впрочем, Акай спокойно встретил взгляд Джина: судя по всему, тот и сейчас был не прочь исправить свою оплошность.

Это было странно. Акай впервые ощутил замешательство: насколько он помнил, задание изначально досталось Бурбону? То, что Бурбон источал убийственную ауру, еще можно было понять — он всегда так реагировал, когда Акай перехватывал его заказы, разве что в этот раз злости было побольше. Но при чем тут Джин?

Мысли двух других мужчин в этот момент были на удивление схожи: Джин и Бурбон могли понять друг друга, но какое дело Раю до всего этого? Вермут с удовольствием наблюдала за разворачивающейся сценой — она уже много лет не видела ничего столь занимательного, и грех было не насладиться моментом подольше. Впрочем, помня о том, что поручение исходило лично от Того самого Человека, она постучала пальцами по столу, прерывая их негласную, но ожесточенную перепалку.

— Можете перебить здесь всё, мне не жалко, — неторопливо произнесла она, — только не забудьте потом поровну скинуться на ремонт.

Видя, что никто не спешит переходить к рукоприкладству, Вермут усмехнулась:

— Прекрасно. А теперь, полагаю, можно перейти к делу.

Ситуация была действительно критической.

<http://bllate.org/book/18731/1811464>